

Творчество Ф.И. Тютчева в литературной критике

Н.А. Некрасов

Впечатление, которое испытываешь при чтении этих стихов <следуют «Осенний вечер», «Есть в светлости осенних вечеров...»>, можно только сравнить с чувством, которое овладевает человеком у постели молодой умирающей женщины, в которую он был влюблен. Только талантам сильным и самобытным дано затрагивать такие струны в человеческом сердце.

(Из статьи «Русские второстепенные поэты»)

И.С. Тургенев

...От его стихов не веет сочинением... они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве, и по этому драгоценному качеству мы узнаем, между прочим, влияние на них Пушкина, видим в них отблеск его времени.

...Каждое его стихотворение начиналось мыслию, но мыслию, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления; вследствие этого... мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им, и сама его проникает нераздельно и неразрывно.

...Чтобы вполне оценить г. Тютчева, надо самому читателю быть одаренным некоторою тонкостью понимания, некоторою гибкостью мысли, не остававшейся слишком долго праздною.

(Из статьи «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева»)

А.А. Фет

Можно ли в такую тесную рамку (я говорю о небольшом объеме книги) вместить столько красоты, глубины, силы, одним словом, поэзии!.. Каждое из <стихотворений> — солнце, то есть самобытный, светящийся мир.

Вот наш патент на благородство, —
Его вручает нам поэт,
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.

(Из статьи «О стихотворениях Ф. Тютчева»)

И.С. Аксаков

Тютчев был не только самобытный, глубокий мыслитель, не только своеобразный, истинный художник-поэт, но и один из малого числа носителей, даже двигателей нашего русского, народного самосознания. <...>

Он был поэт по призванию, которое было могущественнее его самого, но не по *профессии*. Он священнодействовал, как поэт, но не замечая, не сознавая сам своего священнодействия, не облакаясь в жреческую хламиду, не исполняясь некоторого благоговения к себе и своему жречеству <...> прежде всего и во всем он был поэт, хотя собственно стихов он оставил по себе сравнительно и не очень много. Стихи не были у него плодом труда, хотя бы и вдохновенного, но все же труда, подчас даже усидчивого у иных поэтов. Когда он их писал, то писал невольно, удовлетворяя настоятельной, неотвязчивой потребности, потому что он не мог их не написать: вернее сказать, он их не писал, а только

записывал. Они не сочинялись, а творились. Они сами собой складывались в его голове, и он только ронял их на бумагу, на первый попавшийся лоскуток... <...>

Такого рода художественной красоты, простоты и правды нельзя достигнуть ни умом, ни восторженностью духа, ни опытом, ни искусством: здесь уже явное, так сказать, голое поэтическое откровение, непосредственное творчество таланта.

(Из книги «Федор Иванович Тютчев: Биографический очерк»)

Ю.Ф. Самарин

...Он никогда не относился к <русскому языку> фамильярно, и по этой самой причине... ему удалось отыскать в нем такие тонкости, такие богатства и средства, которые в нем были несомненно, но которых никто в нем не подозревал. Сколько раз ему случилось оригинальной обстановкою слова, по-видимому, давно исчерпанного и всем коротко знакомого, освещать в нем стороны, оставшиеся в тени и ускользавшие от всех, употребивших его. Мне рассказывали очевидцы, в какой восторг пришел Пушкин, когда он в первый раз увидел собрание рукописное некоторых его стихов... Он носился с ним целую неделю, и они в первый раз появились в печати в его «Современнике»...

(Из воспоминаний. Звенья. Кн. 2. М.; Л., 1933)

Вл. Соловьев

Но и сам Гете не захватывал, быть может, так глубоко, как наш поэт, темный корень мирового бытия, не чувствовал так сильно и не сознавал так ясно ту таинственную основу всякой жизни, — природной и человеческой, — основу, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества. Здесь Тютчев... является вполне своеобразным и... наверное, самым сильным во всей поэтической литературе.

(Из статьи «О поэзии Ф. И. Тютчева»)

А.Л. Волынский

Тютчев — поэт ночных откровений, поэт небесных и душевных бездн. Он как бы шепчется с тенями ночи, ловит их смутную жизнь и передает ее без всяких символов, без всякой романтики, в тихих, трепетных словах... Это созерцание мира в его ночной стихийности, в его хаотически-божественной правде... Жизнь человеческая объята снами, и светлый день именно сон, от которого мы пробуждаемся в жизнь, в смерть.

(Из статьи «О Тютчеве»)

А.Г. Горнфельд

Так проникнуться физическим самоощущением, чтобы почувствовать себя неотделимою частью природы, — вот что удалось Тютчеву более, чем кому-либо. Этим чувством и питаются его замечательные «описания» природы, или, вернее, ее отражений в душе поэта.

(Из статьи «На пороге двойного бытия»)

В.Я. Брюсов

Стихи Тютчева о природе — почти всегда страстное признание в любви. Тютчеву представляется высшим блаженством, доступным человеку, — любоваться многообразными проявлениями жизни природы.

Напротив, в жизни человеческой все кажется Тютчеву ничтожеством, бессилием, рабством.

...Человек не только — ничтожная капля в океане жизни природы, он еще в ней начало дисгармонирующее. Человек стремится утвердить свою обособленность, свою отдельность от общей мировой жизни, и этим вносит в нее разлад. Сказав о той певучести, какая «есть в морских волнах», о «стройном мусикийском шорохе», струящемся в камышах, о полном созвучии во всей природе, Тютчев продолжает:

Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем...

...<Любовную> страсть Тютчев называет «буйной слепотой» и тем как бы отождествляет ее с ночью. Как слепнет человек во мраке ночи, так слепнет он и во мраке страсти, потому что и тут и там он вступает в область хаоса.

Лиры у Тютчева было две, впрочем, давно согласованные между собою. Первая была посвящена поэзии, воспевающей «блеск проявлений» дневного мира, поэзии умиротворяющей, явной... Другая посвящена была хаосу и стремилась повторить «страшные песни», взрывающие в сердце «порой неистовые звуки». Эта поэзия хотела говорить о роковом, о тайном...

(Из очерка <Поэзия Тютчева>)

Ю.И. Айхенвальд

...Тютчев свято верует в одушевленность природы, которая не умирает, и в свое конечное слияние с ней. Человек наравне с природой сладостно и мучительно вспоминает древний хаос; между ночью мира и ночью души есть глубокая связь — днем же и тот и другая успокаиваются и светлеют. Значит, каждому душевному настроению должно быть непременно соответствие в природе, каждая дума и каждое чувство имеют в ней свой отзвук. Для Тютчева жизнь сердца и жизнь вселенной образуют стройное созвучие, великую и вечную рифму. Тем глубже и трагичнее те временные диссонансы, тот разлад между человеком и природой, в силу которого «в общем хоре душа не то поет, что море, и ропщет мыслящий тростник». Но эта двойственность, как ни фатальна она, какую трудную и страшную задачу, основную проблему природы и культуры, она ни составляет, должна и может быть преодолена, потому что она — только факт, а не необходимость, и навеки неизменной останется для Тютчева истина, что «дума за думой, волна за волной — два проявления стихии одной».

Вся жизнь — рифма к природе. Поэтому в знаменитом стихотворении-молитве летнему жару и зною, когда бедный нищий бредет мимо сада по жаркой мостовой, соответствует жизненная тропа, по которой бредет обездоленный. Поэтому лени соответствует полдень, когда «сам великий Пан в пещере нимф спокойно дремлет», а душное молчание воздуха, предчувствие грозы, отвечает волнению молодой девушки, которая замирает в истоме проснувшейся первой любви. Поэтому неожиданная ласка природы, позднее, неуходящее лето похоже на «молодую улыбку женских уст и глаз», которая, «не восхищая, не прельщая, под старость лишь тревожит нас». И судорожный трепет пробежит по кипарисным ветвям, когда к ним приблизятся люди с мятежным жаром в душе. Девушка может превратиться в мотылька, и, когда она спрячется в цветах, ярче и ароматнее станут розы. И слезы людские, которые льются ранней и поздней порой, льются безвестные, неисчислимы, — эти слезы льются «как струи дождевые в осень глухую, порою ночной».

Это неизменное соответствие духа и природы у Тютчева не придумано, не сочинено, и аналогия является такой естественной и простой, образы и олицетворения как бы приходят сами собою. Для кого природа «не слепок, не бездушный лик», тот чувствует ее в каждом проявлении частного — между прочим, и человеческого — бытия. А Тютчев больше, чем все поэты, знал и верил, что природа жива, что она имеет душу и даже

празднует с людьми воскресенье. Он чуял в мире какую-то незримую длань и незримую пядь. Не садовник приклеил лист и цветы на дереве, не игрою внешних, чуждых сил зреет плод в родимом чреве. Как бы некая живая женщина природы осязательно сопутствовала Тютчеву в его мыслях, и он с чудной, смелой образностью представлял себе не только ее душу, но и внешний облик ее. Он говорит об ее усталости, о ее лихорадочных грезах — кустарнике и мхе, о сладком трепете, который как струя

По жилам пробежал природы,
Как бы *горячих ног* ее
Коснулись ключевые воды.

И день у него восходит по лестнице, солнце глядит «исподлобья», «вечер пламенный и бурный обрывает свой венок». У звезд — «влажные главы», которыми они и приподнимают небесный свод. И если он чаще и настойчивее всех поэтов упоминает о погоде, то это потому, что она для него не бесцветный фон дневных забот, а важное событие общемировой жизни, которое непременно отражается в индивидуальной душе. Только люди-кроты не видят и не слышат, «живут в сем мире, как впотьмах» и не понимают, что в природе «есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык».

(Из книги «Силуэты русских писателей»)

К.В. Пигарев

Поэзия Тютчева, как и многие другие выдающиеся литературные явления прошлого, далеко не сразу получила всеобщее признание. «О Тютчеве не спорят, — заявлял Тургенев, — кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии». Самая запальчивость этого заявления уже была свидетельством того, что о Тютчеве спорили. В высшей степени интересно признание Л. Толстого: «Когда-то Тургенев, Некрасов и К^о едва могли уговорить меня прочесть Тютчева. Но зато когда я прочел, то просто обмер от величины его творческого таланта...» Впоследствии раздавались голоса, относившие Тютчева к числу поэтов-дилетантов и даже «посредственностей». Эти голоса сыграли свою роль. Тютчев в последней трети XIX века оказался основательно забытым поэтом. И не кто иной, как тот же Л.Н. Толстой, говоря однажды о Тютчеве, сетовал: «Его все, вся интеллигенция наша забыла... он, видите, устарел, он не шутит с музой, как мой приятель Фет. И все у него строго: и содержание и форма».

Из этого забвения в середине девяностых годов Тютчева извлекли символисты. Они подняли его на щит, как «учителя поэзии для поэтов», стараясь «приблизиться к совершенству им созданных образцов». (В.Я. Брюсов).

Однако восприятие тютчевского наследия символистами носило в значительной степени внешний характер, ограничивалось вариациями отдельных и далеко не основных мотивов его лирики и заимствованием у него приемов и форм их выражения. В истолковании поэзии Тютчева символистами было немало субъективного, одностороннего и внеисторического. Глубоко ложное представление о нем как о родоначальнике декадентов показывало, насколько чужда оставалась символистам основная сущность тютчевского творчества.

Внутренне ближе других Тютчеву был только один представитель символизма... крупнейший поэт дореволюционной России — Александр Блок. Ему, как и Тютчеву, свойственна была «безумная любовь» к жизни наряду с трагическим восприятием реальной действительности, «неотступное чувство катастрофы», вызванное ощущением непрочности и обреченности старого мира, постоянная «внутренняя тревога», пронизывающая его творчество и в конечном счете обусловленная «революционными предчувствиями».

Блок утверждал, что историческая эпоха внушает поэту, способному ее чувствовать, даже «ритм и размеры стихов». Поэзия Тютчева оправдывает это тонкое замечание. Ее тревожные тона и оттенки с необыкновенной выразительностью отражают тяготение

поэта не только к изображению «стихийных споров» в природе и в истории, но и к воспроизведению их ритмов.

(Из предисловия к сочинениям Ф. И. Тютчева в 2 т.М., 1980)

А.С. Кушнер

Мысль о непрочности жизни преследует Тютчева и в его письмах.

«Когда испытываешь ежеминутно... сознание хрупкости и непрочности всего в жизни, то существование, помимо духовного роста, является лишь бессмысленным кошмаром».

Здесь мы приблизились к разгадке непрофессионального отношения Тютчева к его стихам: стоит ли заботиться о стихах, если вообще все в жизни и сама жизнь висят на волоске?

«Чувство пропасти», на краю которой находится каждый человек в каждое мгновение своей жизни, — удивительное свойство, придающее поэзии Тютчева головокружительную остроту. Присутствие этой «всепоглощающей и миротворной бездны» в стихах и письмах Тютчева роднит его с Паскалем, ставившим между собой и пространством стул, чтобы отгородиться от мерещившейся ему пропасти.

Тютчев не сочинял свои стихи, а, если можно так сказать, проживал их.

Он жил этими мыслями, чувствами, болью, — вот почему между его стихами и письмами так много общего: один и тот же материал шел на стихи и на прозу. Ничто не придумывалось, не писалось из профессиональных соображений, «по долгу службы». Тютчев не относился к себе как к поэту, он жил с ощущением частного человека, пишущего стихи.

Не природа, не стихия, не хаос, не ветер, не день, не свет, не тьма, не сон, не ночь, не звезды, не земля, не жизнь, не Бог, не любовь, не мысль — «душа», вот слово, пронизывающее всю поэзию Тютчева, главное его слово. Нет другого поэта, который был бы загипнотизирован ею с такой страстью, так сосредоточен на ней. Это — главный интерес, главная привязанность Тютчева. Не это ли, чуть ли не вопреки его воле, сделало поэзию Тютчева бессмертной?

(Из книги «Аполлон в снегу»)

Л. А. Озеров

Тютчев — спутник, притом вечный.

Не поучает, не заговаривается, не морализирует.

Не меня, сам себя озадачивает:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?

Три вопроса кряду.

Он, не настаивая, утверждает:

Мысль изреченная есть ложь.

Но он не выполняет обещанного. Изрекает. И как изрекает!

Боясь изреченной мысли, Тютчев явил России могущество слова. Он острым умом и мудрым сердцем открыл такие тайники Вселенной и души человеческой, в которые до него никто не заглянул. Есть галактика Тютчева. В ней ширь, высота, глубина, протяженность пространства и времени. Это песчинка и звезда, радуга и фонтан, рассвет и заход солнца, сумерки и снежные вершины, гроза и знойный полдень... Это восторг перед величием ночи и молитва по безвременно ушедшей возлюбленной, дума о старости

и песнь о весне жизни. Поэтическое наследство Тютчева умещается в одной книжке, но — словами другого поэта — «эта книжка небольшая томов премногих тяжелей».

Тютчев написал мало. Тютчев сказал много. Тютчев обращается к каждому в отдельности.

(Из статьи «Читая Тютчева»)